

— К 80-летию со дня рождения Бориса Бабочкина —

Всегда спешу на «Чапаева»

Мне легко вспоминается. В этой жизни я не был обделен ни возможностью свершить все, что мог, ни способностью выстоять в горе и не потерять себя в радости. Большого и желать не приходится. Но было и еще одно счастливое обстоятельство — совершенно удивительный круг современников, многие из которых были моими друзьями. Но если вспомнить от начала, среди первых я бы назвал Бориса Андреевича Бабочкина.

В годы моей творческой юности Бабочкин на сцене «Александринки» играл Чацкого. По моши страсти, по степени ее выплеска, по силе муки это было явление редкостно русское. И явление современное. Трагедия Чацкого — Бабочкина состояла не в разладе с окружающими, а в нем самом: он жаждал дела и не умел его делать. Но более всего порастил меня в устах Бабочкина грибоедовский стих. Он не стеснял ни актера, ни зрителя. Он не воспринимался стихом. Много позже нашел я у Пушкина мысль о том, что его, Пушкина, стихи надобно читать, как прозу. И вспомнил того Чацкого, чьи монологи воспринимались так, как будто рождались на глазах сиюминутной работой сердца.

Думаю, никого не удивлю признанием: как только слышу, что где-то идет «Чапаев», я бросаю все дела и еду смотреть фильм. И ни разу за долгие годы не было так, чтобы я не открыл в нем для себя что-то новое, чего ранее не замечал. Не раз приходилось слышать, особенно от людей, которые не очень внимательны к течению театральной жизни: «Ну что — Бабочкин? Ну блестяще

Фото Н. Невского. (Снимок публикуется впервые).

сыграл Чапаева, одну роль. И все». Это, конечно, неправда. Многие актерские, режиссерские работы Бабочкина в театре естественным образом вошли в ряд выдающихся событий советского искусства. Но если бы даже Бабочкин сыграл только Чапаева, убежден: для этого стоило прожить жизнь. Ибо нет на нашей земле человека, который не знал бы, не любил Чапая — Бабочкина, для кого бы сама революция наша не стала ближе и дороже от того, что служил ей верой и правдой до последнего часа человек такой искренности, такого светлого огня...

Для меня, актера, Чапаев долгие годы был загадкой. До тех пор, пока не свела судьба с Борисом Андреевичем на съемочной площадке. В «Повести о настоящем человеке» встал я с Бабочкиным лицом к лицу и посмотрел ему в глаза. И забыл, что я и

он — артисты, что снимается кино... Этим глазам можно было сказать только правду...

По сути у Бабочкина в фильме был один эпизод. Он, командир полка, куда попадает Мересьев из госпиталя, встречает его на летном поле после первого боевого вылета: «Так вы и есть Мересьев? Дайте-ка я на вас посмотрю». И играть вроде нечего, а эпизод стал ключевым в восприятии героя зрительской аудиторией. Драгоценнейшее не только актерское, но и человеческое свойство — искренность — было достоинством Бабочкина в полной мере. Никогда, ни в одной роли он не говорил текста. Он излагала мысли, волнение героя. На ваших глазах каждое слово созревало, потом рождалось...

Борис Андреевич был трудный, неудобный человек, как труден и неудобен всякий, кто умеет сказать только правду. Если на

собрании, обсуждении к трибуне выходил Бабочкин, все замирали, никто не мог предсказать, что же сейчас произойдет. Он стоял прямой, руки в карманах, и с прищуром оглядывал зал, словно оценивал: с кем же я сегодня имею дело?.. И говорил, что думал, что чувствовал, понимая, что обида меж людей пройдет, а ложь даст корни. Он был Свободный человек — именно так, с большой буквы. В актерской среде, особенно среди смолоду популярных, часто встречается: вместо смелости — наглость, вместо свободы — развязность, вместо правды — хамство. Бабочкин был смел, свободен и правдив в истинном, громком, если хотите, смысле непростых этих понятий.

Помню, в Доме журналиста в Москве шло обсуждение поставленной мною «Снегурочки». Многие выступили, похвалили. И вдруг слова попросил Бабочкин. У меня, наверное, и дыхание, и сердце остановилось. «Пусть простят меня,— начал он,— литературоведы, искусствоведы, пусть простят меня Мария Михайловна, внучка великого Островского. Я тер-р-петь не мог это произведение. Я понять не мог, как это Островский, человек такой зоркий к жизни, вдруг сочинил такую хлипкую историйку. И сегодня понял: сам был слеп, когда читал, и слепые ее на нашей сцене ставили. Это же Россия на самом деле!»

Я все думаю: почему же он был таким, в чем истоки той чистой правды, которой он только и жил и в повседневности будней, и в праздничности искусства?.. Однажды читал книжку воспоми-

ланий о Шалапине. И вот такое свидетельство. На чужбине Шалапин стал молчалив. Ходит — молчит, сидит — молчит. Вдруг вне всякой связи с разговором вокруг говорит: «А Малявин-то все своих баб малюет. Только в Париже они у него что-то сильно отошляли...»

Изболелось на чужбине сердце великого Шалапина, и талант неслыханный от боли не заслонил. Великое дело — талант, только мощь его — от корней, уходящих в родную землю. Сила и прекрасная самобытность Бабочкина — в любви к Отечеству, в преданности, неотрывности от земли русской. Знал он Россию, и сам был сотворен ею. Как он песни русские пел, как слова их немудреные выговаривал! Как с любимым другом Борисом Блиновым ссорился — из-за ерунды, а за грудки брались! А потом оступали и друг другу в глаза глядели — тихо, долго...

Охоту любил. Сидит на зорьке, привалясь спиной к копысу, к пряслу, — ворот рубахи расстегнут, сено в спутанных волосах, смотрит в небо, и глаза счастливые, смеются. Дышал Родиной, слушал рассветную ее тишину. Умел слышать... Охотник был знатный, азартный, а фазанов не стрелял, потому что они очень красивые...

Неогляден был человек, неуемен. Сам, как Россия. Уж нет его с нами. Разве нет? Кто сегодня родился и кто родится завтра — увидят Чапая. Засмеются, заплачут, задумаются. И вырастут — не забудут.

Павел КАДОЧНИКОВ,
народный артист СССР.